

УДК 543.544

Роль архетипа «Дом – Бездомье» в романе Бориса Ямпольского «Арбат, режимная улица»

Завер Татьяна Владимировна

Аспирант кафедры литературы и русского языка, Гуманитарный институт,
филиал Северного (Арктического) федерального университета
имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске,
164520, Российская Федерация, Архангельская область,
Северодвинск, Архангельское шоссе, 36;
e-mail: tatiana.zaver@gmail.com

Аннотация

Т.В. Завер рассматривает своеобразие образа Дома-Коммунальной квартиры в романе Б. Ямпольского «Арбат, режимная улица», через который реализуется архетип «Дом – Бездомье». Материальная неустроенность, несвобода и атмосфера морального удушья определяют жизнь советского человека в 50-е (послевоенные) годы, что подчёркивается в романе с помощью образов Дома-Табора и Дома-Леса. В статье анализируются экзистенциальные мотивы одиночества, бездомья, страха, конфликта с самим собой и окружающим миром, следствием которых становилась моральная гибель человека. Автор статьи приходит к выводу: в образе жизни обитателей одной коммунальной квартиры Б.С. Ямпольский показал гнетущую атмосферу, царившую в Москве и во всей стране в 50-е годы XX века.

Для цитирования в научных исследованиях

Завер Т.В. Роль архетипа «Дом – Бездомье» в романе Бориса Ямпольского «Арбат, режимная улица» // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 6. С. 28-47.

Ключевые слова

Архетип, Дом – Бездомье, мотивный спектр, экзистенция, персонаж.

Введение

Творчество Б.С. Ямпольского практически не изучено и незаслуженно забыто. Так, в России о его позднем творчестве сравнительно немного писали [Гензелева, 1999], а за рубежом опубликован один обзор романа «Арбат, режимная улица» [Khotimsky, 2007].

Роман «Арбат, режимная улица», ставший для него, по мысли В.Приходько, «главной исповедальной вещью позднего времени» [Приходько, 1997, 13], был опубликован в журнале «Знамя» только в 1988 году, уже после его смерти, накануне больших перемен и окончания советской литературы как таковой [Marsh, 1993, 115]. За год до него был опубликован роман А.Рыбакова «Дети Арбата», который ознаменовал одну из главных вех литературы эпохи гласности [Roesen, 2013].

Образы дома в романе Бориса Ямпольского: от табора до умирания

Архетип «Дом – Бездомье», который А.Ю. Большакова определяет как архетип категориального порядка и сюжетно-ситуативную архетипическую модель [Большакова, 2010, 193], реализуется в романе Б.Ямпольского через центральный образ старого арбатского дома, в котором в послевоенные годы царит атмосфера подавляющего страха. Эту гнетущую атмосферу отметил М.Синельников, вспоминая, что во избежание ассоциации с нашумевшей книгой А.Рыбакова «Дети Арбата» роман был переименован и вышел под названием «Московская улица»: «Впрочем, думаю, <...> что подлинное, исходное название книги – «Страх». В параллель гамсуновскому «Голоду». И там и тут дано исчерпывающее описание неотступного ощущения» [Астафьев, Вознесенский, Синельников и др., 2001, www]. Это было ощущение морального «удушья», в атмосфере которого жили обитатели одной из арбатских коммунальных квартир, которые воплощали собой, в частности, советскую национальную политику, когда у каждой нации – своя «отдельная комната» [Gould, 2012, 403].

Густонаселённая коммуналка – бывшая «барская квартира» – «занимала целый этаж, с большими венецианскими окнами, с двумя выходами...». Здесь «все было как везде: грохочущая и замызганная холуйская чёрная лестница, и облупленные до дранки стены, и пыльная, несчастная, голая экономичная лампочка с багрово-потухающей нитью накала, и двери, изрезанные любовными и нахальными надписями, и цементный кухонный пол, и в саже кухонный потолок, так что расписанные на нем амуры и вельможи казались грешниками в аду; <...> и скандалы, и интриги...» [Ямпольский, 1997, 22].

Большую крикливую квартиру, в которой «жил самый разнообразный, смешанный, пёстрый, никак не понимающий и не сочувствующий друг другу люд», Б.Ямпольский назвал «табором» [там же, 24]. По-разному попавшие в этот дом люди и сами были не похожи друг на друга, и «разно они стоили», но жизнь поселила под одной крышей и бывшего фронтовика К., и служащего министерства Свизляка, и семейство чернявых крикливых айсоров, и играющего на похоронах Бонду Цулукидзе, и бывшую террористку Розалию Марковну, и уборщицу гастронома, и бывшую оперную диву... Люди разного возраста и рода деятельности, они и в быту настолько различались своими привычками и отношением к Дому, что постоянно конфликтовали, скандалили и интриговали, писали анонимки и жаловались участковому.

Образ *Дома-Табора* актуализирован в романе с помощью широкого спектра разнообразных запахов и звуков: на лестнице пахло помоями; коридор пропах нафталином, свечными огарками и мышинным помётом; за дверями комнат ощущались запахи то жареной воблы, то столярного клея, лекарств; «чада, стирки, сортира» [там же]. Богата была и звуковая палитра жизни квартиры: во-первых, шумной была грохочущая улица, напоминавшая аэродинамическую трубу, в которой работали моторы самолётов [там же, 62]. Во-вторых, квартирный табор постоянно скандалил, пел, смеялся, кашлял или бил посуду [там же, 24].

Как цыганский табор состоял из кибиток, так и квартира в романе Ямпольского состояла из комнат, в которых обитали её жители. И каждая из этих комнатушек могла служить характеристикой своего хозяина: «тихонькая, робкая старая дева Любочка» жила в комнате-гнездышке «среди пышных

плюшевых кресел, как мышь в норе», в которой также обитали еж и рыбки в огромном аквариуме [там же, 29-30]; огромная семья айсоров занимала большую комнату, в которой многочисленные деды, бабки, зятья, племянники, братья и сёстры спали в три этажа на нарах [там же, 36]; из комнаты Розалии Марковны не доносилось ни звука, и тишина в ней была мертва, как глаза пожилой хозяйки; фикусы и лейка – бытовые детали комнаты бывшей террористки – были символической границей, отделяющей комнату от внешнего мира, «родное» от «чужого, враждебного», светлое прошлое от сурового настоящего [там же, 42].

В романе «Арбат, режимная улица» архетип «Дом – Бездомье» актуализируется в отчуждении и одиночестве его персонажей. Они по сути бездомны, так как, согласно Б.В. Ничипорову, бездомность – это «не только материальное отсутствие стен и крыши, но это часто и метафизическая бездомность владельца квартиры» [Ничипоров, 1994, 57]. Неуютная, захламлённая квартира с протекающим потолком и крысами не стала для его обитателей Домом. Хаос их жизни ощущался и в неустроенном быту, а помещение, в котором они вынуждены были жить, так и осталось для них чужим. Неудивительно, что жители квартиры были разобщены. Автор, описывая своеобразный микрокосм, окружавший главного персонажа романа, актуализирует яркий образ *Дома-Леса*: «...Стоит <...> чучело медведя, который по-отцовски коснётся вас, и вы вздрогнете от неожиданности, словно именно вас он и дожидался в этом коммунальном лесу» [Ямпольский, 1997, 23]. *Дом-Лес* наполнен своими реальными и вымышленными обитателями. Так, при характеристике внешности и образа жизни практически каждого персонажа автор активно использует различные зоонимы и орнитонимы: в образе завистливого и агрессивного Свизляка природа задумала «носорога или верблюда», но оставила «носорожий запас амбиции <...> в его животной неистощимости [там же, 26]; старая дева Любочка напоминала своей кротостью «мышь в норе» и безумно боялась голоса и взгляда своего грозного соседа [там же, 30]; характерной чертой крепкого, невысокого и злого «выкормыша» Голубева-Монаткина являлся «свинячий храп» [там же, 34]; айсоры – это «семья-муравейник», «шмелиное гнездо» [там же, 35]; Розалия Марковна – «ночной мотылёк», незаметная жен-

щина, которая «замолкла навсегда, как моль» [там же, 41]; опереточная актриса напоминала костлявую старую клячу [там же, 166], а Бонда Давидович «был кроликом в жизни, тигром на работе» [там же, 44]. Сопоставление людей с животными – классический прием сатиры, как мировой, так и советской [Dobrenko, 2014].

Враждебность *Дома-Леса* по отношению к людям перекликается с архетипическим значением леса, определённым Е.М. Мелетинским, отметившим, что в сказках лес всегда является сферой хтонических ужасов [Мелетинский, 1994, 49]. И в романе «Арбат, режимная улица» «коммунальный лес» как сфера демонических существ наполнен такими персонажами: в старой одежде, развешенной вдоль стен коридора, главному персонажу виделись «старухи бабы-яги» [Ямпольский, 1997, 24], словно ожило чучело медведя, и казалось, что дышала собачья куртка Свизляка [там же, 29]. Как замечал Е.М. Мелетинский, в архетипическом значении Дом и Лес традиционно противопоставлены друг другу («последний представляет собой «чужой» мир, насыщенный демонами и демонизмом») [Мелетинский, 1994, 72]. В романе они слились в образ *Дома-Леса*, появление которого в произведении неслучайно: жители коммуналки потеряли человеческий облик, признав право более сильного человека-зверя запугивать и презирать их. Так же, как Свизляк, Овидий и Голубев-Монаткин свысока взирали на других жильцов, старавшихся быть незаметными, тихими, бесцветными. Для страха были реальные причины: любая жалоба, допрос дворника или зловещее «Это уже интересно» из уст Свизляка могли приклеить ярлык «колеблющегося» или «политического недомыслия» и привести к аресту, а затем и гибели человека.

Для актуализации архетипа «Дом – Бездомье» в романе «Арбат, режимная улица» большое значение имеют мотивы *болезни, старости и смерти дома*, их экзистенциальный характер. Арбатский дом состарился, был болен, а регулярные попытки избавить его от «розовой тифозной сыпи», облагородить и приукрасить «румянами» сурика ни к чему не приводили: «Дождь скоро смывал эти румяна, и дом стоял, как пожилая красуля, вдруг вздумавшая румянить щёки, и слёзы текли грязными старческими потёками» [Ямпольский, 1997, 23]. Автор неоднократно подчёркивал, что красота и уют дома безвозвратно

остались в прошлом – ещё до того, как «хозяин особняка, чайный фабрикант, сбежал от революции в Париж» [там же, 22].

Болезни и старость Дома должны были привести его к неминуемой смерти. Эту мысль автор романа выражает, постоянно вводя мотив *смерти* в сюжетную канву произведения. Смерть в романе сопровождает жизнь даже в её светлые моменты – праздники, свадьбы и рождение детей: «...Женится и разводится, рождает и умирает разноязычный табор коммунальной квартиры» [там же, 23]. Мотив *смерти Дома* звучит особенно громко в эпизоде, когда главный персонаж впервые увидел своё жильё: «Мёртвая, оплаканная» комната сразу стала ассоциироваться у него с «ледяным моргом, где лежал труп времени», навсегда ушедшего вместе с юностью, молодостью и счастьем человека [там же, 64]. Смерть в романе постепенно приобрела совершенно иные масштабы: мертва была не только одна комната, но и весь дом, и другие здания в Москве, «каменные палаты» и «краснокирпичные доходные дома», и более того – оказывается, что «города не было, и ночи не было, ничего не было» [там же, 224-225].

Разрушается старый дом, умирают и исчезают его обитатели: сразу же после свадьбы умерла от туберкулёза сестра айсоров, затем от инфаркта скончался лилипут Пётр Петрович, позднее упоминается о том, что ушли из жизни и старуха Сорока, и Розалия Марковна, и Свизляк. Заметим, что смерть персонажей романа происходит не только в физическом, но, в первую очередь, в моральном плане. Так Свизляк держал в постоянном страхе обитателей квартиры, был подозрителен и опасен, так как писал доносы на соседей; доносил на жителей и всезнающий дворник Овидий, реализовывавший таким образом желание высокого положения и упивающийся своей безнаказанностью [там же, 52]; Голубев-Монаткин жил под гнётом совершённого в прошлом убийства, но по-прежнему жаждал власти над людьми. А Розалия Марковна, Любочка утратили внутреннюю свободу, так как жили в страхе перед Свизляком, перед его бдительным взглядом и тем, что за всем этим могли последовать донос и арест [там же, 43].

Главный герой романа Б.Ямпольского обозначен инициалом К., как и герой «Процесса» Ф.Кафки. В.В. Заманская, рассматривая экзистенциальные

традиции в русской литературе, не могла не обратиться к роману Франца Кафки, отмечая, что тот «определяет главную трагедию человека XX столетия»: борьба, которая становится постоянным фоном его жизни и нескончаемый стресс, делающий весь мир враждебным ему [Заманская, 2012, 98]. Основные экзистенциальные мотивы романа «Процесс» преломляются и в судьбе главного персонажа романа Б.Ямпольского, который был своеобразным alter ego самого автора. Одиночество, замкнутость и жизненная неустроенность их сближают, отражая «кризис маскулинности», характерный для позднесоветского общества [Роровіс, 2011]. Р.М. Марьяш, отмечая в мемуарах автобиографичность произведения, вспоминала о Б.Ямпольском: «Он предстал передо мной одиноким, неустроенным, крайне неудовлетворенным собой. <...> Его отстраненный, порой ненавидящий, презирающий, отвергающий взгляд был обращен в себя, в свое одиночество, в ужас своего бытия в этом мире монстров, ублодков, физических и нравственных уродов» [Марьяш, www]. В таком же искажённом мире «нравственных уродов» вынужден был существовать и главный герой романа писателя, нарушавшего негласный запрет на негативных персонажей в советской литературе [Spector, 1957].

Следует заметить, что одиночество главного персонажа романа в соответствии с традициями экзистенциализма было сознательным и добровольным. Где-то жили его родственники, но К. не знал их, «а если и знал, то давно забыл, давно не видел, не интересовался родственными отношениями, считал это отсталостью» [Ямпольский, 1997, 220]. Ему казалось, что в условиях всеобщей виновности, доносов, эвакуаций и мобилизаций родственные отношения отмирали: ведь «в серной кислоте страха таяло и исчезало всё – любовь, привязанность, благодарность, взаимная помощь, и выручка, и совесть» [там же]. К. можно назвать бездомным, так как комната в коммуналке – это не Дом, не семейный очаг, не прибежище в трудную минуту, а лишь жилище, которое он не выбирал: «мёртвая, оплаканная», «до ужаса пустая и голая» комната была холодна и узка. Автор создал образ *комнаты-кишки* [там же, 228].

В то время, как умирал старый Дом и уходили из жизни его обитатели, К. оставался жив физически, но и он, более смелый и сильный, чем его соседи, постепенно погибал как личность, потому что утрачивал волю, испытывая чувство

бессилия от страха перед арестом. Утрата воли объясняется состоянием общества, в котором «психозы подозрительности сменялись временами относительного затишья и даже какого-то ублюдочного милосердия, прощения, и обычно в самый шторм <...> начиналась новая кампания исправления ошибок и перегибов» [там же, 55]. Важно отметить, что разрушение архетипа Дома тесно взаимосвязано с разрушением внутреннего образа Родины [Danilina, 2012], а одиночество героя – с невозможностью обрести «дом» в другом человеке [Seccoli, 2004].

Заключение

Б.Ямпольский знал о моральном умирании человека не понаслышке. В своих воспоминаниях, – а жанр воспоминаний стал одним из ведущих в позднесоветскую эпоху [Pinsky, 2014; Ellman, Kontorovich, 1997], – он описал это состояние: «...Нет тебя, нет именно твоей воли, твоих мук, сомнений, снов, призраков, твоей чести, совести...» [Ямпольский, 1997, 365]. Откровенная слежка за человеком превращала недавнего фронтовика в затравленного, загнанного зверя. Именно так, по мысли В.В. Заманской, «система ломает человека, заставляя психологически принять статус винтика», а «ситуация «человек перед лицом...» – это ситуация экзистенциальная» [Заманская, 2012, 105].

Картина жизни, созданная Б.Ямпольским, приводит читателя к неутешительному выводу: коммунальная квартира – это Москва и вся Россия послевоенных лет в миниатюре, в которой царят страх перед государством, утрата воли и внутренней свободы людей. Роман «Арбат, режимная улица» Б.Ямпольского стал приговором страшному времени, когда, по утверждению автора, «...бездарность была символом благонадёжности, бессилие крушило силу, и вперёд вырывались самые низменные, самые бесчестные, самые коварные, на престол поднимались мхи, и зима царила в стране...» [Ямпольский, 1997, 54].

Библиография

1. Астафьев В., Вознесенский А., Синельников М. и др. Однажды в «Знамени»... // Знамя. 2001. №1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/1/sudden.html>

2. Большакова А.Ю. От сущности к имени. Теории архетипа: Ч. I. Ульяновск: УлГТУ, 2010. 207 с.
3. Гензелева Р. Пути еврейского самосознания: Василий Гроссман, Израиль Меттер, Борис Ямпольский, Руфь Зернова. М.: Мосты культуры, Иерусалим: Гешарим, 1999. 320 с.
4. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта, 2012. 304 с.
5. Марьяш Р.М. Калейдоскоп моей памяти: Гл. 8. Долгий путь к давней мечте. URL: http://lit.lib.ru/m/marxjash_r_m/text_0090.shtml
6. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах: Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
7. Ничипоров Б.В. Введение в христианскую психологию: Размышления священника-психолога. М.: Школа-Пресс, 1994. 192 с.
8. Приходько В. Система удушья // Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. М.: Вагриус, 1997. С. 7 – 14.
9. Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. М.: Вагриус, 1997. 430 с.
10. Ceccoli V. Finding Home in (An)other // Psychoanalytic Dialogues. 2004. Vol. 14. Issue 3. P. 337-348.
11. Danilina G. The Cultural Archetype of “Russia” in the Tradition of Russian Historical Poetics As a National Scientific School // Social Sciences. 2012. Vol. 43. Issue 4. P. 59-66.
12. Dobrenko E. The Gogols and the Shchedrins // Russian Studies in Literature. 2014. Vol. 50. Issue 2. P. 27-62.
13. Ellman M., Kontorovich V. The collapse of the soviet system and the memoir literature // Europe-Asia Studies. 1997. Vol. 49. Issue 2. P. 259-280.
14. Gould R. World Literature as a Communal Apartment: Semyon Lipkin’s Ethics of Translational Difference // Translation & Literature. 2012. Vol. 21. Issue 3. P. 402-421.
15. Khotimsky M. Review of Vasil Bykov and Boris Yampolsky, ‘The Scared Generation: Two Novels’ // Slavic and East European Journal. 2007. Vol. 51. Issue 1. P. 170-171.
16. Marsh R. The death of Soviet literature: Can Russian literature survive? // Europe-Asia Studies. 1993. Vol. 45. Issue 1. P. 115-140.

-
17. Pinsky A. The Diaristic Form and Subjectivity under Khrushchev // *Slavic Review*. 2014. Vol. 73. Issue 4. P. 805-827.
 18. Popovic D. A Generation That Has Squandered Its Men: The Late Soviet Crisis of Masculinity in the Poetry of Sergei Gandlevskii // *Russian Review*. 2011. Vol. 70. Issue 4. P. 663-676.
 19. Roesen T. Glasnost Literature in Retrospect: Rybakov's *Deti Arbata* // *Scandoslavica*. 2013, Vol. 59. Issue 2. P. 219-233.
 20. Spector I. The controversy over positive and negative characters in Soviet literature // *Modern Language Quarterly*. 1957. Vol. 18. Issue 3. P. 215-226.

UDC 543.544

**The role of the archetype "Home – Homelessness"
in the novel *Arbat, rezhimnaya ulitsa (The Old Arbat)*
by Boris Yampol'skii**

Tat'yana V. Zaver

Postgraduate,

Department of literature and Russian language,
Institute of Humanities, of the Northern (Arctic) Federal University,
164520, 36 Arkhangel'skoe rd., Severodvinsk,
Arkhangel'sk region, Russian Federation;
e-mail: tatiana.zaver@gmail.com

Abstract

The article deals with the originality of the image of "Home-Communal Apartment" in the novel *Arbat, rezhimnaya ulitsa (The Old Arbat)* by B. Yampol'skii, through which the archetype "Home – Homelessness" is conveyed. Material disorder, lack of freedom, and the atmosphere of moral suffocation determine the life of the Soviet people in the 1950s (post-war years), which is emphasized in the novel with the help of the images of "Home – Gypsy camp" and "Home – Forest". The article analyzes the existential motifs of loneliness, homelessness, fear, conflict with oneself and the world around, the consequence of which was the moral death of an individual. Residents of the communal apartment have lost their human form, recognizing the right of the stronger man-beast to intimidate and despise them. There were the real reasons for fear: any complaint could label a person as 'unstable' or 'political folly' and lead to the arrest and then death of a person. The protagonist of Yampol'skii's novel is marked as K., like the hero of Kafka's *The Trial*. The author of the article comes to the following conclusion: Boris Yampol'skii

used the way of life of the inhabitants of one shared apartment to show the oppressive atmosphere that reigned in Moscow and throughout the country in the 1950s.

For citation

Zaver T.V. (2014) Rol' arkheta "Dom – Bezdom'e" v romane Borisa Yampol'skogo "Arbat, rezhimnaya ulitsa" [The role of the archetype "Home – Homelessness" in the novel *Arbat, rezhimnaya ulitsa (The Old Arbat)* by Boris Yampol'skii]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 6, pp. 28-47.

Keywords

Archetype, home – homelessness, motif spectrum, existence, character.

Introduction

Creative works by B.S. Yampol'skii have not been studied in a proper way and have been undeservedly forgotten. For example, it was relatively little written on his later works in Russia [Genzeleva, 1999], and one review was published abroad of the novel *Arbat, rezhimnaya ulitsa (The Old Arbat)* [Khotimsky, 2007].

The novel *Arbat, rezhimnaya ulitsa (The Old Arbat)* that V. Prikhod'ko called "the main confessional thing of the later time" [Prikhod'ko, 1997, 13] was published in the journal *Znamya* only in 1988, after the author's death and on the eve of great changes and the end of Soviet literature as such [Marsh, 1993, 115]. The year before Rybakov's novel *Children of the Arbat* was published which marked a major milestone of glasnost literature [Roesen, 2013].

Images of the home in Yampol'skii's novel: from Gypsy camp to dying

The archetype "home – homelessness" that A.Yu. Bol'shakova [Bol'shakova, 2010, 193] defines as an archetype of a categorical order and a plot-situational archetypal model is conveyed in the novel by B. Yampol'skii through the central image of

an old Arbat house in which during the post-war years there was the atmosphere of an overwhelming fear. This oppressive atmosphere was noticed by M. Sinel'nikov who mentioned that the novel had been renamed and released under the name *Moscow street* in order not to be associated with the famous book *Children of the Arbat* by A. Rybakov: "However, I think <...> that the original title of the book is *Fear*. In parallel with *Hunger* by K. Hamsun. Both works contain a comprehensive description of persistent sensation" [Astaf'ev, Voznesenskii, Sinel'nikov, 2001, www]. It was the sensation of moral "suffocation" in the atmosphere of which the inhabitants of one of the Arbat shared apartments lived, that embodied itself, in particular, the Soviet national policy, when every nation has its own "private room" [Gould, 2012, 403].

A densely populated shared apartment – a former "manor-flat" – "occupied the whole floor, had large Venetian windows, two entrances..." Here "everything was as it was everywhere: rattling dirty lackey backstairs, and such chipped walls that the lath was seen, and a dusty, miserable, naked energy-conserving light bulb with a purple filament dying out, and a door with love and insolent inscriptions, and a cement kitchen floor, and such a sooty kitchen ceiling that cupids and grantees painted on it seemed to be sinners in hell; <...> and scandals, and intrigues..." [Yampol'skii, 1997, 22].

A flashy large apartment in which various crossbred, motley people, not understanding one another and not sympathetic to one another, lived" [ibid., 24], which B. Yampol'skii called a "Gypsy camp". People appeared in this house in different ways and they were not similar to one another, they were different and "cost differently", but life made K., a former front-line soldier, and Svizlyak, a ministry employee, and a family of clamorous black-haired Assyrians, and Bonda Tsulukidze who played at funerals, and Rozaliya Markovna, a former terrorist, and a cleaner in a food store, and a former opera diva live under one roof... People of different age and occupation, they were so different in everyday life, their habits and attitude to the Home were so different that they were in constant conflict, made rows, intrigued, wrote anonymous letters and complained to the district militia officer.

The image of "home – Gypsy camp" is conveyed in the novel with the help of a wide variety of smells and sounds: the stairs smelled of slops; the corridor became permeated with the smell of naphthalene, candle stubs, and mouse droppings; behind

the doors of the rooms there reigned the smell of fried Caspian roach, jointer's glue, drugs; "smoke, washing, toilet" [ibid.]. The sound palette of life in the apartments was also wide: firstly, the rattling street was noisy and it resembled a wind tunnel where aircraft engines worked [ibid., 62]. Secondly, the Gypsy camp in the Home constantly made rows, sang, laughed, coughed or break dishes [ibid., 24].

As a Gypsy camp consisted of covered wagons, so the apartment in the novel by Yampol'skii consisted of rooms in which its inhabitants lived. Each of these little rooms could serve as a characteristic of its owner: "the quiet, shy spinster Lyubochka" lived in a room-nest "surrounded with magnificent plush armchairs as a mouse in a hole" where there also dwelt a hedgehog and fish in a huge aquarium [ibid., 29-30]; a huge family of Assyrians occupied a large room in which numerous grandfathers, grandmothers, sons-in-law, nephews, brothers and sisters slept in plank beds [ibid., 36]; no sounds were heard from the room of Rozaliya Markovna, and silence in it was as dead as the eyes of the elderly woman; rubber plants and a watering-pot, household details of the former terrorist's room, were a symbolic border that separated the room from the outside world, "the home" from "the strange, hostile", a bright past from a harsh present [ibid., 42].

In the novel *Arbat, rezhimnaya ulitsa (The Old Arbat)* the archetype "home – homelessness" is conveyed through the estrangement and loneliness of its characters. As a matter of fact, they are homeless because, according to B.V. Nichiporov, homelessness is "not only the material absence of walls and a roof, but it is often the metaphysical homelessness of the owners of the apartment" [Nichiporov, 1994, 57]. The uncomfortable, littered apartment with a leaky ceiling and rats had not become the Home for its inhabitants. The chaos of their lives was felt in a miserable life, and the room, in which they had to live, remained strange to them. It is not surprising that the inhabitants of the apartment were estranged. While describing a kind of microcosm that surrounds the main character of the novel, the author creates a vivid image of the "home – forest": "...There stands <...> a stuffed bear that will touch you like your father, and you will give a start from surprise, as if it waited for you in this shared-apartment forest" [Yampol'skii, 1997, 23]. The "home – forest" is filled with real and fictitious inhabitants. When the author describes the appearance and lifestyle of almost each character, he actively uses various zoonyms and ornithonyms:

nature created the jealous and aggressive Svizlyak who resembled "a rhinoceros or a camel", and nature gave him "a rhinoceros-like stock of ambitions <...> in its brutal inexhaustibility" [ibid., 26]; the spinster Lyubochka resembled "a mouse in a hole" because of her meekness and was mortally afraid of the voice and stare of her terrible neighbor [ibid., 30]; the characteristic feature of the solid, short and wicked "fosterling" Golubev-Monatkin was his "pig-like snoring" [ibid., 34]; a family of Assyrians is a "family-anthill", a "bumblebee nest" [ibid., 35]; Rozaliya Markovna is a "night moth", an inconspicuous woman who "fell silent forever like a moth" [ibid., 41]; an operetta actress resembled a bony old horse [ibid., 166], and Bonda Davidovich "was a rabbit in life, a tiger at work" [ibid., 44]. A comparison of people with animals is a classic method of satire, both in world and Soviet literature [Dobrenko, 2014].

The hostility of the "home – forest" towards people has something in common with the archetypal meaning of "forest" defined by E.M. Meletinskii who mentioned that the forest is always a sphere of chthonian horror in fairy tales [Meletinskii, 1994, 49]. In the novel *Arbat, rezhimnaya ulitsa (The Old Arbat)* the "shared-apartment forest" as a sphere of demonic creatures is filled with the following characters: in old clothes hung along the walls of the corridor, "the old women Baba Yagas" [Yampol'skii, 1997, 24] appeared to the main character, the stuffed bear appeared to have come to life, and Svizlyak's dog jacket seemed to be breathing [ibid., 29]. E.M. Meletinskii noticed that the archetypal meanings of "home" and "forest" are traditionally opposed to each other ("the latter represents a "strange" world filled with demons and demonism") [Meletinskii, 1994, 72]. In the novel they merged into the image of "home – forest", which is not a coincidence in the novel: the inhabitants of the shared apartment had lost their human nature by recognizing the right of a stronger man-beast to intimidate and despise them. Like Svizlyak, Ovidii and Golubev-Monatkin looked down on the other inhabitants who tried to be inconspicuous, quiet, tame. There were real reasons for fear: all complaints, the street cleaner's interrogation or the ominous "This *is* interesting" from Svizlyak could make the label of "hesitating" or "political thoughtlessness" be attached and lead to an arrest and then to death of a person.

The motifs of illness, old age, and death of home, their existential nature are of primary importance to conveying the archetype of "home – homelessness" in the

novel *Arbat, rezhimnaya ulitsa (The Old Arbat)*. The Arbat house became old, was ill, and regular attempts to save it from a "rose typhoid rash", ennoble, and embellish it with red lead rouge brought to nothing: "Rain soon washed away the rouge, and the house resembled an elderly beauty who suddenly decided to rouge cheeks, and tears were running down in dirty old floods" [Yampol'skii, 1997, 23]. The author repeatedly emphasized that the beauty and comfort of the home had definitely become part of history – even before "the owner of the mansion, a tea manufacturer, fled to Paris because of the revolution" [ibid., 22].

The diseases and old age of the Home had to cause its impending death. The author of the novel expresses this idea by continuously introducing the motif of *death* into the outline of the work. In the novel death accompanies life even in its bright moments – when there are holidays, weddings and children are being born: "...The people from the Gypsy camp of the shared apartment, who speak different languages, marry and divorce, give birth to children and die" [ibid., 23]. The motif of *death of the Home* sounds especially loudly in the episode in which the main character saw his accommodation for the first time: he immediately began to associate a "dead, bewept" room with "an icy morgue where there was the corpse of time", forever gone together with youth and happiness of man [ibid., 64]. Death in the novel was gradually creeping up on everything: not only one room was dead, but the whole house and other buildings in Moscow, a "stone chamber" and "red-brick tenement buildings", and, moreover, it turned out that "there was no city, and there was no night, there was nothing" [ibid., 224-25].

The old home is being destroyed, its inhabitants die and disappear: right after the wedding the sister of the Assyrians died of tuberculosis, then the Lilliputian Pyotr Petrovich died of a heart attack, later the old woman Soroka, Rozaliya Markovna, and Svizlyak were mentioned to have passed away. It should be noticed that the death of the characters of the novel is not only physical, but first of all moral. So Svizlyak kept the inhabitants of the apartment in constant fear, was suspicious and dangerous as he wrote denunciations of neighbours; the all-knowing street cleaner Ovidii also denounced the inhabitants to the authorities, making a reality of his desire for a high position in society and enjoying his impunity [ibid., 52]; Golubev-Monatkin lived under the oppression of the murder that he had committed, but still craved for power

over people. Rozaliya Markovna and Lyubochka lost inner freedom as they lived in constant fear of Svizlyak, beneath his watchful eyes, and the fact that all this could result in a denunciation and an arrest [ibid., 43].

The main character of the novel by B. Yampol'skii is indicated with the initial K. like the character of *The Trial* by F. Kafka. Studying the existential traditions in Russian literature, V.V. Zamanskaya could not but refer to the novel by Franz Kafka and mentioned that it "determines the main tragedy of the man of the 20th century": the struggle that becomes a permanent background of his life and that endless stress that makes the whole world hostile to him [Zamanskaya, 2012, 98]. Basic existential motifs of the novel *The Trial* are refracted in the fate of the main character of the novel by B. Yampol'skii, this character being some kind of alter ego of the author. Loneliness, unsociability, and disorder in life make them similar, reflecting the "crisis of masculinity" characteristic for the late Soviet society [Popovic, 2011]. R.M. Mar'yash mentioned in the memoirs that the work was autobiographic and reminisced about B. Yampol'skii: "It seemed to me that he was lonely, miserable, very dissatisfied with himself. <...> His distracted, sometimes hating, despising, repulsive gaze was shrunk into him, into his loneliness, into the horror of his existence in this world of monsters, bastards, physical and moral freaks" [Mar'yash, www]. The main character of the novel had to exist in the same distorted world of "morally depraved people". The protagonist of the novel had to exist in the same distorted world of "moral monsters", while the writer breaks an unofficial ban on negative characters in Soviet literature [Spector, 1957].

It should be noted that the loneliness of the main character of the novel was deliberate and voluntary according to the traditions of existentialism. His relatives lived somewhere, but K. did not know them, "and even if he knew about them, he had already forgotten them, had not seen them for a long time, was not interested in kin relations, and considered them to be retardation" [Yampol'skii, 1997, 220]. It seemed to him that in the conditions of total guilt, denunciations, evacuations, and mobilizations kin relations died because "everything melted and disappeared in the sulphuric acid of fear: love, affection, gratitude, mutual aid, help, and conscience" [ibid.]. K. can be called homeless as a room in the shared apartment was not Home, hearth, refuge in his hour of need, but only accommodation that was not his choice:

the "dead, bewept", "terribly empty and bare" room was cold and narrow. The author created the image of a *room-bowel* [ibid., 228].

When the old Home was dying and its inhabitants passed away, K. was physically alive, but even he, who has bolder and stronger than his neighbours, was gradually dying as a personality because he was losing his will, felt powerless because of fear of being arrested. This loss of will was caused by the state of the society in which "the psychoses of suspicion interchanged with relatively calm periods and even periods of some kind of bastard-like mercy, forgiveness, and usually amid a storm <...> a new campaign of correction of mistakes and exaggerations took place" [ibid., 55]. It is important to note that the destruction of the archetype of the Home is closely linked with the destruction of the internal image of the Motherland [Danilina, 2012], and the loneliness of the hero is connected to the inability to find "Home" in the other person [Ceccoli, 2004].

Conclusion

B. Yampol'skii knew about the moral dying of a person firsthand. In his recollections (genre of memoirs became one of the leaders in the late Soviet era [Pinsky, 2014; Ellman, Kontorovich, 1997]) he described this condition: "...There is no you, these are your will, your pains, doubts, dreams, ghosts, your honour, conscience that do not exist..." [Yampol'skii, 1997, 365]. The overt surveillance of the former front-line soldier was turning him into a coursed, exhausted beast. According to V.V. Zamanskaya, "the system breaks man, forcing him to psychologically accept the status of a cog" in this way and "the situation "man in the face of..." is an existential situation" [Zamanskaya, 2012, 105].

The picture of life created by B. Yampol'skii makes readers come to a disappointing conclusion: the shared apartment is Moscow and the whole of Russia during the post-war years in miniature, in which there reigned fear of the state, the loss of will and inner freedom of people. The novel *Arbat, rezhimnaya ulitsa* (*The Old Arbat*) by B. Yampol'skii became a sentence to the terrible time during which, according to the author, "...lack of talent was a symbol of reliability, weakness was destroying force, and the meanest, the most dishonest, the most insidious ones

were far ahead, mosses came to the throne, and winter reigned in the country..." [Yampol'skii, 1997, 54].

References

1. Astaf'ev V., Voznesenskii A., Sinel'nikov M., et al. (2001) Odnazhdy v 'Znameni'... [Once in 'Znamya'...]. *Znamya*, 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/1/sudden.html> [Accessed 20/12/13].
2. Bol'shakova A.Yu. (2010) *Ot sushchnosti k imeni. Teorii arkhetaipa: Ch. I.* [From the essence to a name. Theories of the archetype: Part I]. Ul'yanovsk: UIGTU Publ.
3. Ceccoli V. (2004) Finding Home in (An)other. *Psychoanalytic Dialogues*, 14 (3), pp. 337-348.
4. Danilina G. (2012) The Cultural Archetype of "Russia" in the Tradition of Russian Historical Poetics As a National Scientific School. *Social Sciences*, 43 (4), pp. 59-66.
5. Dobrenko E. (2014) The Gogols and the Shchedrins. *Russian Studies in Literature*, 50 (2), pp. 27-62.
6. Ellman M., Kontorovich V. (1997) The collapse of the soviet system and the memoir literature. *Europe-Asia Studies*, 49 (2), pp. 259-280.
7. Genzeleva R. (1999) *Puti evreiskogo samosoznaniya: Vasili Grossman, Izrail' Metter, Boris Yampol'skii, Ruf' Zernova* [Ways of Jewish identity: Vasili Grossman, Izrail' Metter, Boris Yampol'skii, Ruf' Zernova]. Moscow: Mosty kul'tury Publ., Jerusalem: Gesharim Publ.
8. Gould R. (2012) World Literature as a Communal Apartment: Semyon Lipkin's Ethics of Translational Difference. *Translation & Literature*, 21 (3), pp. 402-421.
9. Khotimsky M. (2007) Review of Vasil Bykov and Boris Yampolsky, 'The Scared Generation: Two Novels'. *Slavic and East European Journal*, 51 (1), pp. 170-171.
10. Mar'yash R.M. *Kaleidoscop moei pamyati: Gl. 8. Dolgii put' k davnei mechte* [Kaleidoscope of my memory: Chapter 8. A long way to the old dream]. Available at: http://lit.lib.ru/m/marxjash_r_m/text_0090.shtml [Accessed 15/03/14].

11. Marsh R. (1993) The death of Soviet literature: Can Russian literature survive? *Europe-Asia Studies*, 45 (1), pp. 115-140.
12. Meletinskii E.M. (1994) *O literaturnykh arkhetypakh: Chteniya po istorii i teorii kul'tury*. [About literary archetypes: Readings in history and theory of culture. Issue 4]. Moscow: RGGU Publ.
13. Nichiporov B.V. (1994) *Vvedenie v khristianskuyu psikhologiyu: Razmyshleniya svyashchennika-psikhologa* [Introduction into Christian psychology: Thoughts of a clergyman-psychologist]. Moscow: Shkola-Press Publ.
14. Pinsky A. (2014) The Diaristic Form and Subjectivity under Khrushchev. *Slavic Review*, 73 (4), pp. 805-827.
15. Popovic D. (2011) A Generation That Has Squandered Its Men: The Late Soviet Crisis of Masculinity in the Poetry of Sergei Gandlevskii. *Russian Review*, 70 (4), pp. 663-676.
16. Prikhod'ko V. (1997) Sistema udush'ya [The system of suffocation]. In: Yampol'skii B.S. *Arbat, rezhimnaya ulitsa [The Old Arbat]*. Moscow: Vagrius Publ., pp. 7-14.
17. Roesen T. (2013) Glasnost Literature in Retrospect: Rybakov's Deti Arbata. *Scando-Slavica*, 59 (2), pp. 219-233.
18. Spector I. (1957) The controversy over positive and negative characters in Soviet literature. *Modern Language Quarterly*, 18 (3), pp. 215-226.
19. Yampol'skii B.S. (1997) *Arbat, rezhimnaya ulitsa [The Old Arbat]*. Moscow: Vagrius Publ.
20. Zamanskaya V.V. (2012) *Ekzistentsial'naya traditsiya v russkoi literature XX veka. Dialogi na granitsakh stoletii* [Existential tradition in the Russian literature of the 20th century. Dialogues at the borders of centuries]. Moscow: Flinta Publ.